

Джейн
ОСТИН

Гордость и гордыня

сквозь
время

Джейн Остин
Гордость и гордыня
Серия «Сквозь время»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24261282
Джейн Остин, Гордость и гордыня : роман: Время; Москва; 2017
ISBN 9785001120186

Аннотация

Романы Джейн Остин стали особенно популярны в XX веке, когда освобожденные и равноправные женщины всего мира массово влились в ряды читающей публики. Оказалось, что в книгах британской девицы, никогда не выходявшей замуж и не покидавшей родной Хэмпшир, удивительным образом сочетаются достоинства настоящей литературы с особенностями дамского романа: это истории любви и замужества, но написанные столь иронично, наблюдательно и живо, что их по праву считают классикой английского реализма. «Гордость и гордыня» – канонический роман о любви, родившейся из предубеждения, однако богатый красавец-аристократ и скромная, но умная барышня из бедной семьи изображены столь лукаво и остроумно, что вот уже третий век волнуют воображение читателей, а нынче еще и кинематографистов – это, пожалуй, самая экранизируемая книга за всю историю кино. При выпуске классических книг нам, издательству «Время», очень хотелось

создать действительно современную серию, показать живую связь неувядающей классики и окружающей действительности. Поэтому мы обратились к известным литераторам, ученым, журналистам и деятелям культуры с просьбой написать к выбранным ими книгам сопроводительные статьи – не сухие пояснительные тексты и не шпаргалки к экзаменам, а своего рода объяснения в любви дорогим их сердцам авторам. У кого-то получилось возвышенно и трогательно, у кого-то посуше и поакадемичней, но это всегда искренне и интересно, а иногда – неожиданно и необычно. В любви к «Гордости и гордыне» признаётся журналист и искусствовед Алёна Солнцева – книгу стоит прочесть уже затем, чтобы сверить своё мнение со статьёй и взглянуть на произведение под другим углом.

Содержание

Информация от издательства	5
ГОРДОСТЬ И ГОРДЫНЯ	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	43
Глава 8	52
Глава 9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джейн Остин

Гордость и гордыня

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Остин, Джейн

Гордость и гордыня: роман / Джейн Остин: пер. с англ. Ирины Гуровой; сопроводит. статья Алены Солнцевой. – М.: Время, 2017. – (Сквозь время).

ISBN: 978-5-0011-2018-6

Романы Джейн Остин стали особенно популярны в XX веке, когда освобожденные и равноправные женщины всего мира массово влились в ряды читающей публики. Оказалось, что в книгах британской девицы, никогда не выходившей замуж и не покидавшей родной Хэмпшир, удивительным образом сочетаются достоинства настоящей литературы с особенностями дамского романа: это истории любви и замужества, но написанные столь иронично, наблюдательно и живо, что их по праву считают классикой английского реализма. «Гордость и гордыня» – канонический роман о любви, родившейся из предубеждения, однако богатый красавец-аристократ и скромная, но умная барышня из бедной

семьи изображены столь лукаво и остроумно, что вот уже третий век волнуют воображение читателей, а нынче еще и кинематографистов – это, пожалуй, самая экранизируемая книга за всю историю кино.

При выпуске классических книг нам, издательству «Время», очень хотелось создать действительно современную серию, показать живую связь неувядающей классики и окружающей действительности. Поэтому мы обратились к известным литераторам, ученым, журналистам и деятелям культуры с просьбой написать к выбранным ими книгам сопроводительные статьи – не сухие пояснительные тексты и не шпаргалки к экзаменам, а своего рода объяснения в любви дорогим их сердцам авторам. У кого-то получилось возвышенно и трогательно, у кого-то посуше и поакадемичней, но это всегда искренне и интересно, а иногда – неожиданно и необычно.

В любви к «Гордости и гордыне» признаётся журналист и искусствовед Алёна Солнцева – книгу стоит прочесть уже затем, чтобы сверить своё мнение со статьёй и взглянуть на произведение под другим углом.

© И. Г. Гурова, наследник, перевод, 2017

© Е. Н. Солнцева, сопроводительная статья, 2017

© Состав, оформление, «Время», 2017

ГОРДОСТЬ И ГОРДЫНЯ

Роман

Глава 1

Холостяк, если он обладает солидным состоянием, должен настоятельно нуждаться в жене, такова общепризнанная истина.

И сколь ни мало известно о чувствах и намерениях подобного человека, когда он меняет местожительство, вышеупомянутая истина так прочно гнездится в умах его новых соседей, что с первой же минуты они смотрят на него как на законную собственность той или иной из их дочерей.

– Мой дорогой мистер Беннет, – в один прекрасный день объявила супруга означенного джентльмена, – вы слышали, что Недерфилд-Парк наконец-то арендовали?

Мистер Беннет ответил, что ничего об этом не слышал.

– Но да, да! Миссис Лонг только что побывала у нас и все мне рассказала.

Мистер Беннет безмолвствовал.

– Неужто вам не хочется узнать, кто там поселился? – нетерпеливо осведомилась его дражайшая половина.

– Зато вам хочется сообщить мне эту новость, и я готов

ее выслушать.

– Так вот, мой друг, миссис Лонг говорит, что Недерфилд-Парк арендовал молодой человек с очень большим состоянием, проживающий на севере Англии. В понедельник он приезжал в коляске четверней осмотреть поместье и пришел в такой восторг, что тут же согласился на все условия мистера Морриса, и переедет он туда еще до Михайлова дня, а некоторых слуг пришлет уже в конце будущей недели.

– Как его фамилия?

– Бингли.

– Женат или холост?

– Ах, мой друг, разумеется, холост. Холостой молодой человек с большим состоянием. Четыре-пять тысяч годового дохода. Какое счастье выпало нашим девочкам!

– Каким образом? При чем здесь они?

– Мой дорогой мистер Беннет, – воскликнула его супруга, – будто вы не знаете! Разумеется, вы поняли, что я представила, как он женится на одной из них.

– Во имя этой цели он и решил поселиться здесь?

– Цели? Вздор! Ну что вы такое говорите? Однако очень и очень может быть, что он влюбится в какую-нибудь, а потому вы должны сделать ему визит, едва он переедет.

– Не вижу зачем. Почему бы вам не посетить его вместе с девочками? Или лучше пошлите их к нему одних. Ведь вы так авантажны, что мистер Бингли всем им может предпочесть вас.

– Мой друг, вы мне льстите. Да, разумеется, я была очень недурна собой, но теперь уже не помышляю о том, чтобы пленять. Женщинам с пятью взрослыми дочерьми не пристало думать о собственной красоте.

– Женщины в подобном положении редко сохраняют столько красоты, что о ней стоило бы думать.

– Тем не менее, мой друг, вы непременно должны сразу же побывать у мистера Бингли по его приезду.

– Отнюдь не должен, уверяю вас.

– Но подумайте о своих дочерях. Только вообразите, какая это будет партия для одной из них! Сэр Уильям и леди Лукас не замедлят нанести ему визит по одной этой причине. Вы же знаете, они никогда первыми не посещают новых соседей. Нет-нет, вы должны побывать у него, иначе мне с девочками никак нельзя будет отправиться к нему с визитом.

– Право, вы слишком уж строго блюдете этикет. Не сомневаюсь, мистер Бингли будет весьма рад такому знакомству. А я вручу вам для него записку с заверениями в моем полном согласии на его брак с той моей дочерью, которую он удостоит своего выбора. Хотя, пожалуй, я замолвлю словцо за мою малютку Лиззи.

– Прошу вас ничего подобного не делать. Лиззи ничем не лучше своих сестер. По моему суждению, она и вполтину не так красива, как Джейн, и вполтину не так очаровательна, как Лидия. Ну да вы всегда отдаете предпочтение ей.

– Ни одна из них ничем особенным не блещет, – возра-

зил ее супруг. — Глупенькие и невежественные, как положено юным барышням. Тем не менее у Лиззи больше живости ума, чем у ее сестриц.

— Мистер Беннет, как вы можете так чернить собственных дочерей? Вам нравится поддразнивать меня. Никакого сострадания к моим бедным нервам.

— Вы заблуждаетесь, душа моя. К вашим нервам я питаю самое глубокое почтение. Ведь они мои давние друзья. Вот уже по меньшей мере двадцать лет, как с такой попечительностью вы упоминаете о них.

— Ах, вы не понимаете моих страданий.

— Но, уповаю, вы совладеете с ними и доживете до того, чтобы увидеть, как в окрестностях поселится еще много молодых людей с годовым доходом в четыре тысячи фунтов.

— Что толку нам, поселись их тут хоть двадцать, если вы не пожелаете сделать им визиты?

— Уверяю вас, душа моя, когда их наберется двадцать, я побываю у каждого из них.

Натура мистера Беннета слагалась из стольких противоречивых качеств, таких как саркастический ум, сдержанность и чудаковатость, что двадцати трех лет жизни с ним оказалось мало, чтобы жена научилась его понимать. А вот ее сущность постигнуть было куда легче. Она была женщиной очень недалекой, невежественной, со вздорным характером. Если ей что-то досаждало, она впадала в нервическое расстройство. Целью ее жизни было выдать замуж всех своих

дочерей, а радостями – визиты и пересуды.

Глава 2

Мистер Беннет нанес визит мистеру Бингли одним из первых. Он с самого начала намеревался побывать у него, хотя до последней минуты убеждал жену, что делать этого ему совсем не следует. И она пребывала в полном неведении до вечера того дня, когда визит был нанесен. И вот как она узнала об этом событии. Поглядев, как его вторая дочь трудится над отделкой своей шляпки, мистер Беннет неожиданно сказал:

– Уповаю, Лиззи, что она понравится мистеру Бингли.

– Нам неоткуда узнать, что нравится мистеру Бингли, а что нет, – сердито сказала мать барышни, – раз в знакомстве с ним нам отказано.

– Но вы забываете, маменька, – сказала Элизабет, – что мы будем встречать его на ассамблеях, а миссис Лонг обещала представить его нам.

– Вот уж не думаю! У миссис Лонг есть две родные племянницы. Она себялюбивая лицемерка, и я о ней самого низкого мнения.

– Как и я, – сказал мистер Беннет. – Рад узнать, что вы не полагаетесь на ее желание услужить вам.

Миссис Беннет не снизошла до ответа, но, не в силах сдержаться, принялась выговаривать одной из дочерей:

– Да не кашляй же так, Китти! Имей хоть чуточку сострадания к моим нервам. Ты их совсем истерзала.

– Китти позволяет себе кашлять, когда ей вздумается, – заметил папенька. – И выбирает она для этого самое неподходящее время.

– Я кашляю не для своего развлечения, – обиженно сказала Китти.

– А когда твой следующий бал, Лиззи?

– Через две недели, считая с завтрашнего дня.

– Ведь и правда! – воскликнула маменька. – А миссис Лонг вернется только накануне и, значит, не сможет его нам представить. Она же не успеет сама с ним познакомиться.

– О, тогда, душа моя, почему бы вам не опередить свою дорогую подругу и самой не представить ей мистера Бингли?

– Это невозможно, мистер Беннет, невозможно, коли я сама с ним не знакома. Как несносны ваши поддразнивания!

– Воздаю должное вашей осмотрительности. Бесспорно, две недели знакомства срок слишком краткий. За две недели трудно узнать, каков человек на самом деле. Но, если мы уклонимся, найдутся другие. И, значит, опасность эта не минует миссис Лонг и ее племянниц. А так как она усмотрит в этом добрую услугу, то, если вы решительно против, я окажу ее сам.

Барышни уставились на папеньку в недоумении. Миссис Беннет сказала лишь:

– Вздор! Вздор!

– Что означает столь горячее восклицание? – вскричал мистер Беннет. – Вы почитаете вздором строгое соблюдение

правил этикета, когда речь идет о новых знакомствах, и важность, им придаваемую? Нет, тут я никак не могу с вами согласиться. А что скажешь ты, Мэри? Ведь ты, как мне известно, очень глубокомысленная девица, почитываешь мудрые книги и делаешь из них выписки.

Мэри очень хотелось сказать что-то на редкость умное, но ей так ничего в голову и не пришло.

– Пока Мэри приводит в порядок свои мысли, – продолжал папенька, – не вернуться ли нам к мистеру Бингли?

– Я даже имени мистера Бингли больше слушать не желаю, – объявила его супруга.

– Вы меня удручаете. Почему вы прежде меня не предупредили? Знай я об этом нынче утром, так не побывал бы у него с визитом. Очень-очень жаль, но, поскольку визит я ему нанес, нам нельзя будет уклониться от дальнейшего знакомства с ним, не правда ли?

Ошеломление его жены и дочерей не оставляло желать ничего лучшего. И особенно миссис Беннет. Разумеется, едва первые восторги поулеглись, она не преминула указать, что ничего другого и не ожидала.

– Как вы добры, дражайший мистер Беннет! Впрочем, я знала, что в конце концов сумею вас убедить. Знала, что любовь к нашим девочкам не позволит вам пренебречь таким знакомством. Не могу выразить, как я довольна. И какая бесподобная шутка: побывать у него утром, а рассказать об этом только сейчас.

– Теперь, Китти, ты можешь кашлять, когда и сколько пожелаешь, – сказал мистер Беннет и с этими словами удалился, наскучив излишествами своей супруги.

– Какой у вас превосходный отец, девочки, – сказала та, когда дверь за ним затворилась. – Я просто не в силах вообразить, как вы могли бы его отблагодарить за подобную доброту. Да и меня, коли уж об этом зашла речь. В наши годы, позвольте вам сказать, вовсе не так уж приятно каждый день заводить новые знакомства, но ради вас мы жертвуем всем. Лидия, душенька моя, хоть ты и младшенькая, полагаю, мистер Бингли будет непременно танцевать с тобой на следующем балу.

– О! – мужественно сказала Лидия. – Я не боюсь. Пусть я и младшая, зато самая высокая.

Остальной вечер прошел в догадках, как скоро мистер Бингли отдаст визит, и в обсуждении того, когда им следует пригласить его отобедать у них.

Глава 3

Однако миссис Беннет даже с помощью всех пяти дочерей никакими ухищрениями не удалось вытянуть у своего супруга сколько-нибудь внятного описания наружности мистера Бингли. Они атаковали его и так, и эдак – задавали прямые вопросы, строили всяческие предположения, прибегали к хитроумным догадкам, но он умело избежал всех ловушек, и в конце концов им пришлось удовольствоваться сведениями из вторых рук – от их соседки леди Лукас. Описание оказалось самым лестным. Сэр Уильям от него в восторге. Он очень молод, удивительно хорош собой, весьма любезен – и, в довершение всего, намерен приехать на следующую ассамблею в сопровождении большого общества. Что могло быть восхитительнее! А любовь к танцам – это же первый шаг, чтобы влюбиться. И вспыхнули живейшие надежды на покорение сердца мистера Бингли.

– Кабы увидеть одну мою девочку счастливой хозяйкой Недерфилда да кабы остальные сделали партии не хуже, так мне большего и желать было бы нечего.

Не миновало и трех дней, как мистер Бингли приехал с ответным визитом и десять минут просидел с мистером Беннетом в библиотеке. Он питал надежду увидеть барышень, о красоте которых успел наслышаться, но увидел лишь их папеньку. Зато барышням посчастливилось больше, ибо из ок-

на верхнего этажа они могли убедиться, что сюртук на нем голубой, а лошадь под ним вороной масти.

Вскоре вслед за этим было послано приглашение на обед, и миссис Беннет уже обдумывала, какими блюдами потчевать гостя, чтобы не ударить лицом в грязь, но присланный ответ принудил ее отложить свои планы. Мистеру Бингли на следующий день необходимо быть в Лондоне, а потому он вынужден отказаться от их любезного приглашения, и так далее, и тому подобное.

Миссис Беннет была весьма обескуражена. Она не могла вообразить, какое дело вдруг призвало его в столицу так скоро после переезда в Хартфордшир. Ее снедали опасения, что он и впредь будет перепархивать туда-сюда, не задерживаясь в Недерфилде подолгу. Ее страхи несколько рассеяла леди Лукас, высказав предположение, что в Лондон он уехал с тем, чтобы пригласить на бал обещанных гостей, а вскоре пошли слухи, что мистер Бингли прибудет на ассамблею в сопровождении двенадцати дам и семи джентльменов. Такое число дам удручило барышень, однако накануне бала их утешила весть, что из Лондона он привез всего шесть особ женского пола – пять своих сестер и кузину. А в залу собрания их вошло всего пятеро: сам мистер Бингли, две его сестры, муж старшей и еще один молодой человек.

Мистер Бингли был красив и выглядел истинным джентльменом. Выражение его лица отличалось большой приятностью, а манеры – мягкостью и непринужденностью.

Его сестры, тоже очень недурные собой, держались как особы, принадлежащие к высшему свету. Его шурин, мистер Хэрст, был, разумеется, джентльменом, но ничем не примечательным, однако его друг, мистер Дарси, стал вскоре средоточием всеобщего внимания благодаря высокой стройной фигуре, правильным чертам лица, благородной осанке, а также слуху, который уже через пять минут после его появления успел обождать всю залу, — он оказался обладателем годового дохода в десять тысяч фунтов. Мужчины объявили его на редкость представительным, а дамы сочли куда более красивым, чем мистер Бингли, и он оставался предметом всеобщего восхищения примерно половину вечера, но мало-помалу общество почувствовало себя оскорбленным его манерами и разочаровалось в нем; ибо обнаружилось, что он несносный гордец, почитает себя выше всех и ему невозможно угодить. После чего даже обширное поместье в Дербишире не воспрепятствовало заключению, что черты лица у него надменные и неприятные и что он не идет ни в какое сравнение со своим другом.

Вскоре мистер Бингли был уже знаком со всеми в зале, кто хоть что-нибудь значил. Он веселился от души, не пропустил ни одного танца, огорчился, что бал кончился столь рано, и упомянул, что непременно даст бал в Недерфилде. Столь превосходные качества свидетельствовали сами за себя. Какая разница между ним и его другом! Мистер Дарси пригласил на первый танец миссис Хэрст, еще один он протанце-

вал с мисс Бингли, не пожелал, чтобы его представили другим дамам и девицам, а остальное время прохаживался по залу, порой останавливаясь обменяться несколькими фразами со своим другом, его сестрами и шурином. Приговор ему был вынесен единодушный: самый чванный гордец, самый невыносимый человек в мире! Все от души надеялись, что он никогда больше здесь не покажется. Среди особенно восстававших на него была и миссис Беннет, чье негодование на подобное поведение усугубилось пренебрежением, с каким он отозвался об одной из ее дочерей.

Кавалеров на балу оказалось меньше, чем дам, и Элизабет Беннет два танца выпало просидеть у стены. Несколько минут мистер Дарси стоял так близко от нее, что она волей-неволей подслушала разговор между ним и мистером Бингли, который ненадолго оставил свою даму, чтобы уговорить его присоединиться к танцующим.

– Право же, Дарси, – сказал он, – ты непременно должен пойти танцевать. Не могу смотреть, как ты бессмысленно стоишь тут. Танцы тебя развлекают.

– Отнюдь. Ты же знаешь, что я их не терплю, если моя дама мало мне знакома. А в таком собрании это будет нестерпимо. Твои сестры ангажированы, и в зале не найдется ни одной дамы или девицы, танцевать с кем не было бы для меня сущей карой.

– Ни за что на свете я бы не хотел быть таким разборчивым, как ты! – вскричал Бингли. – По чести, я еще ни разу

в жизни не видел столько обворожительных барышень, как нынче вечером, и, согласись, некоторые на редкость хороши собой.

– Ты танцуешь с единственной красавицей среди них, – сказал мистер Дарси, взглянув на старшую мисс Беннет.

– О, она несравненна. Но вот же прямо позади тебя сидит ее сестра, прехорошенькая и, полагаю, приятная барышня. Прошу, позволь моей даме представить тебя ей!

– Которая из них? – И Дарси через плечо посмотрел на Элизабет, встретился с ней взглядом и отвернулся, холодно процедив: – Да, она недурна, но не настолько, чтобы очаровать меня, а я не в настроении благодетельствовать девицам, которых не удостаивают вниманием другие. Вернись-ка лучше к своей даме, купайся в свете ее улыбок и не трать понапрасну время на меня.

Мистер Бингли последовал его совету, а мистер Дарси неторопливо отошел, пробудив в Элизабет не самые добрые чувства к себе. Она не преминула поведать о случившемся своим подругам с колким остроумием, так как ее отличала живая веселость, которой смешные нелепицы служили желанной пищей.

В остальном вечер для их семьи прошел весьма приятно. Миссис Беннет не сомневалась, что ее старшая дочь обворожила недерфилдское общество. Мистер Бингли дважды ее ангажировал, а его сестры обошлись с ней особо любезно.

Джейн была польщена не меньше маменьки, хотя не выра-

жала этого так открыто. Элизабет разделяла радость Джейн. Мэри своими ушами слышала, как мисс Бингли ее откомендовала самой образованной девицей здешних мест, а Кэтрин и Лидии выпало счастье ни на минуту не оставаться без кавалеров, а о большем они на балах пока и не мечтали. Вот почему все они были в самом лучшем расположении духа, когда возвратились в Лонгборн, деревушку, где обитали, главенствуя над остальными ее жителями.

Мистера Беннета они застали бодрствующим. Над книгой он забывал о времени, а к тому же любопытствовал узнать о событиях вечера, на который возлагались такие ожидания. Он тешился мыслью, что все расчеты его супруги на новое знакомство потерпят фиаско, но не замедлил убедиться, что выслушать ему предстоит совсем другую историю.

– Ах, мой дорогой мистер Беннет, – начала она, едва войдя в комнату. – Мы бесподобно провели вечер. Чудесный бал! Я так жалела, что вас не было с нами. Только вообразите, Джейн снискала всеобщее восхищение! Все говорили, как она прелестна, а мистер Бингли признал ее настоящей красавицей и танцевал с ней два раза. Вы только подумайте, мой друг, он танцевал с ней дважды и только ее одну ангажировал на второй танец. Первой он пригласил мисс Лукас. Пока я смотрела на них, меня взяла такая досада! Однако она его ничуть не очаровала, да и кого она может очаровать? А едва он увидел, как танцует Джейн, то был просто сражен. Осведомился, кто она такая, попросил представить его и тут

же пригласил ее на следующий танец. Третий он танцевал в паре с мисс Кинг, а четвертый с Марией Лукас, а пятый снова с Джейн, а буланже...

— Будь у него хоть капля сострадания ко мне, — вскричал ее супруг брюзгливо, — он бы не танцевал так много. Бога ради, не перечисляйте, кого он еще ангажировал. И почему только он не вывихнул лодыжку в первом же танце!

— Ах, мой друг, — продолжала миссис Беннет, — я в полном от него восхищении. И какой красавец! А его сестрицы оборотисты. В жизни я не видела ничего моднее их туалетов. А уж кружевная отделка платья миссис Хэрст...

Тут ей снова пришлось прервать свою речь. Мистер Беннет не желал ничего слышать про дамское тряпье. Посему ей пришлось перейти на другую тему и с величайшим негодованием, а также некоторыми преувеличениями она поведала ему о возмутительной грубости мистера Дарси.

— Но заверяю вас, — заключила она, — Лиззи не много потеряла, не понравившись ему. Пренеприятнейший, отвратительнейший человек, и совершенно незачем быть с ним любезным. Такой заносчивый, такой спесивый, что никакого терпения не хватит! Не настолько красива, чтобы танцевать с ней! Я так сожалею, мой друг, что вас там не было, отделать его хорошенько, как вы умеете. Право, я его не выношу!

Глава 4

Когда Джейн и Элизабет остались наедине, первая, прежде отозвавшаяся о мистере Бингли со сдержанной похвалой, теперь не замедлила признаться сестре, как он ее очаровал.

– Вот таким и должен быть молодой человек, – сказала она. – Рассудительным, добрым, веселым. И я еще никогда не видела столь чудесных манер, сочетающих непринужденность с безупречнейшей благовоспитанностью.

– И в довершение он красив, – прибавила Элизабет. – Каким молодому человеку тоже не мешает быть, если это в его силах. Следовательно, у него нет ни единого изъяна.

– Мне было так лестно, когда он пригласил меня во второй раз. Подобного комплимента я никак не ожидала.

– Неужели? Ну, так я ожидала за тебя. В том-то и главная разница между нами. Тебя комплименты всегда застают врасплох, а меня – никогда. Что могло быть естественнее его второго приглашения? Он же видел, что ты в пять раз красивее всех, из кого он мог там выбирать. Галантность тут ни при чем. Да, он, бесспорно, очень мил, и если он тебе нравится, даю тебе мое позволение. Тебе ведь нравилось немало более глупых кавалеров.

– Лиззи, милочка!

– Ведь тебе по твоей доброте все люди нравятся. Ты ни

в ком не видишь недостатков; в твоих глазах все приятны и обходительны. Мне ни разу не доводилось услышать, чтобы ты о ком-нибудь отзывалась дурно.

— Мне не нравится торопиться с осуждением кого бы то ни было, но я всегда говорю то, что думаю.

— Знаю, знаю. В этом-то и чудо. С твоим здравым смыслом не замечать чужой глупости и вздорности! Притязания на прямодушие — вещь самая обычная, с ними сталкиваешься на каждом шагу. Но быть прямодушной без притворства или задней мысли, видеть во всех только лучшее и кое-что добавлять от себя, а о дурном не упоминать — это только твое свойство. Его сестры ведь тебе тоже понравились, не так ли? А их манеры далеко уступают его манерам.

— О, на первый взгляд, пожалуй. Но, побеседовав с ними, видишь, что они обе очень приятные особы. Мисс Бингли будет жить у брата, вести дом, и я очень ошибаюсь, если в ней мы не обречем очаровательную соседку.

Элизабет ничего не ответила, но заверения сестры ее не убедили. На ассамблее миссис Хэрст и мисс Бингли, судя по тому, как они держались, вовсе не искали доброго расположения своих новых знакомых. Элизабет, более наблюдательная и менее доверчивая, чем ее сестра, и чье суждение не было подсказано их любезностью, не заметила в них никаких достоинств. Собственно говоря, обе были светскими особами до кончиков ногтей; приятными, если им ничто не досаждало, обходительными, когда считали нужным, но занос-

чивыми и самодовольными. Они не были обделены красотой, воспитывались в одном из лучших столичных пансионатов, обладали состоянием в двадцать тысяч фунтов каждая, имели привычку тратить больше, чем того требовало благоразумие, вращались в самом избранном обществе, а потому во всех отношениях имели право себя ставить очень высоко, а других — очень низко.

Они происходили из почтенной семьи на севере Англии — обстоятельство, которое запечатлелось в их памяти много прочнее, чем то обстоятельство, что состояние их брата, как и их собственные, было нажито торговлей.

Мистер Бингли унаследовал почти сто тысяч фунтов от отца, который намеревался обзавестись поместьем, но ему воспрепятствовала смерть. Мистер Бингли хотел того же и даже подумывал, на каком графстве остановить свой выбор. Однако теперь, когда он получил в свое собственное распоряжение прекрасный дом вкупе с парком и прочим, многие из знавших беззаботность его натуры полагали, что он так и проживет в Недерфилде арендатором до конца своих дней, предоставив обрести собственное поместье следующему поколению.

Его сестрам не терпелось, чтобы он стал настоящим помещиком, но тем не менее мисс Бингли была отнюдь не прочь восседать во главе его стола в Недерфилде; да и миссис Хэрст, будучи замужем за человеком более светским, нежели богатым, склонялась к тому, чтобы считать дом брата своим

домом, когда ей заблагорассудится.

Мистер Бингли достиг совершеннолетия всего за два года до того, как, последовав случайной рекомендации, отправился взглянуть на недерфилдский дом. Он взглянул на него, а затем на полчаса заглянул и внутрь. Ему понравились местоположение и парадные апартаменты; остальные достоинства дома, которые описал владелец, как будто не оставляли желать ничего лучшего, и он немедленно его снял.

Дружба между ним и Дарси была очень искренней, несмотря на полное несходство их натур. Бингли завоевал расположение Дарси мягкостью, открытостью души и уступчивостью, хотя эти качества были совершенно чужды характеру последнего, в котором он сам, казалось, не находил никаких недостатков. Бингли твердо полагался на дружбу Дарси и был высочайшего мнения о его суждениях. Проницательностью Дарси далеко его превосходил. Бингли вовсе не был глуп, но Дарси обладал острым умом. Притом он был высокомерен, замкнут и очень разборчив. А его манеры, хотя вполне светские, отличались сухостью. И в этом его друг имел перед ним большое преимущество. Где бы Бингли ни появлялся, он незамедлительно располагал к себе всех присутствующих; Дарси же постоянно наступал кому-нибудь на ногу.

Полное представление об их несхожести дает то, как они отзывались о меритонской ассамблее. Бингли никогда в жизни не встречал более приятных людей и таких обворожи-

тельных барышень; к нему все были необыкновенно добры и внимательны; никакой холодной светскости и чопорности – он очень скоро уже чувствовал себя словно среди старых друзей. Ну а что до мисс Беннет, так невозможно вообразить ангела прекраснее нее. Дарси же, напротив, увидел сборище ничем не примечательных провинциалов, совершенно чуждых истинным понятиям о красоте и хорошем тоне; он там ни к кому не испытал ни малейшего интереса, никто не заслужил его внимания, ничуть не развлек его. Мисс Беннет он признал миловидной – но она слишком уж часто улыбалась.

Миссис Хэрст и ее сестрица согласились с ним, но тем не менее она завоевала их расположение и продолжала им нравиться. Они сказали, что она, право же, душечка и они не прочь узнать ее поближе. А посему мисс Беннет осталась душечкой, и их брат счел, что это позволяет ему думать о ней так, как он пожелает.

Глава 5

На весьма близком расстоянии от Лонгборна проживало семейство, с которым Беннеты поддерживали особенно тесное знакомство. В былые дни сэр Уильям Лукас вел торговые дела в Меритоне, нажил немалый капитал и удостоился чести быть пожалованным во дворянство после того, как, будучи мэром этого городка, обратился к королю с верноподданническим ходатайством. Быть может, такое возвышение несколько вскружило ему голову. Оно пробудило в нем отвращение к торговле и к дому в скромном городке, где он тогда проживал. Покинув их, он поселился с семьей в усадьбе, примерно в миле от Меритона, каковая с той поры обзавелась звучным наименованием Лукас-Лодж. Там он мог без помех размышлять о важности своей персоны и, освободившись от дел, посвятить себя радушию и гостеприимству, ибо, как ни радовался он своему возвышению, оно не сделало его спесивым; напротив, он со всеми был сама обходительность. Незлобивый, приветливый и услужливый по натуре, к этим качествам он после своего представления ко двору добавил еще и учтивость.

Леди Лукас была не слишком умной женщиной, совершенно такой, какую миссис Беннет могла бы пожелать себе в соседки. Судьба наградила их детьми, и старшая дочь, умная и рассудительная девица лет двадцати семи, была задушев-

ной подругой Элизабет.

Что барышням Лукас и барышням Беннет было необходимо незамедлительно встретиться и обменяться мнениями о бале, разумелось само собой, и наутро после ассамблеи первые поспешили в Лонгборн слушать и говорить.

– Шарлотта, ты прелестно открыла вечер, – сказала миссис Беннет с нарочитой любезностью. – Ведь мистер Бингли пригласил тебя самой первой!

– Да, но его второй выбор ему как будто понравился больше.

– А, полагаю, ты думаешь о Джейн, потому что он протанцевал с ней два раза. Да и правда могло показаться, будто он ею восхищен; я даже почти уверена, что так оно и было... я что-то такое слышала... но, право, не совсем поняла... что-то о мистере Робинсоне.

– Вы не о том, что я расслышала, когда он разговаривал с мистером Робинсоном? Разве я вам про это не рассказала? Мистер Робинсон осведомился, как ему нравятся наши меритонские ассамблеи и не считает ли он, что в зале не перечесть красавиц, и какая кажется ему красивее всех прочих. А он начал с ответа на последний вопрос: «О, бесспорно, старшая мисс Беннет, тут не может быть двух мнений».

– Только вообразите! Столь безоговорочно... право, кажется... но, впрочем, все это, знаете ли, может кончиться ничем.

– Я подслушивала куда с большим толком, чем ты, Эли-

за, – сказала Шарлотта. – Мистера Дарси в отличие от его друга и слушать не стоило, не так ли? Бедная Элиза! Быть признанной всего лишь недурной.

– Ах, не надо внушать Лиззи, будто его неучтивость стоит внимания. Он ведь такой неприятный человек, что понравиться ему было бы сущим несчастьем. Миссис Лонг сказала мне вчера, что он просидел рядом с ней полчаса и ни словечка не проронил.

– Вы уверены, маменька? Нет ли тут ошибки? – сказала Джейн. – Я точно видела, как мистер Дарси говорил с ней.

– Ну да, потому что она наконец спросила, как ему понравился Недерфилд, и не ответить он не мог. Но, по ее словам, он, казалось, был очень недоволен, что с ним заговорили.

– Мисс Бингли упомянула, что он молчалив, если только не в кругу близких друзей, а вот тогда он на редкость приятный собеседник.

– Не верю ни единому слову, душечка. Будь он таким, то побеседовал бы с миссис Лонг. Но я понимаю, в чем тут дело. Все говорят, что гордыня у него непомерная, и, сдастся мне, он прослышал, что миссис Лонг не держит экипажа и на бал приехала на извозчике.

– Меня мало трогает, что он не пожелал разговаривать с миссис Лонг, – сказала миссис Лукас, – но я бы предпочла, чтобы он все-таки пригласил Элизу на танец.

– В другой раз, Лиззи, – сказала миссис Беннет, – я бы на твоём месте не стала танцевать с ним.

– Право, маменька, я могу смело пообещать вам, что никогда не буду танцевать с ним.

– В нем гордость, – сказала миссис Лукас, – мне менее неприятна, чем во многих других, так как ей есть извинение. Можно ли удивляться, что молодой человек со столькими достоинствами, благородного происхождения, богатый, обласканный фортуной, будет о себе самого высокого мнения? Если позволительно сказать, так у него есть право быть гордым.

– Совершенно справедливо, – ответила Элизабет. – И я легко простила бы ему его гордость, если бы он не уязвил мою.

– Гордость, – объявила Мэри, весьма льстившая себе мыслью о здравости своих суждений, – мне кажется, весьма обычный недостаток. Все книги, которые я читала, убеждают меня в его общности, в том, что человеческая природа особенно склонна к нему и что лишь очень немногие из нас не испытывают самодовольства при мысли о том или ином своем достоинстве, действительном или воображаемом. Гордыня, она же тщеславие, и гордость – совершенно разные вещи, хотя эти слова часто употребляются как синонимы. Человек может быть гордым, но не тщеславным. Гордость более связана с тем, как мы ценим себя, тщеславие же с тем, как, по нашему убеждению, нас должны ценить другие.

– Будь я таким богатым, как мистер Дарси, – воскликнул один из младших Лукасов, сопровождавший своих сестер, –

мне было бы все равно, какой я гордый! Я бы держал свору гончих и выпивал по бутылке вина каждый день.

– И, значит, пил бы куда больше, чем следует, – сказала миссис Беннет. – И попадись ты мне на глаза за бутылкой, я бы тотчас ее у тебя отобрала.

Мальчик возразил, она настаивала на своем, и спор их завершился только вместе с визитом.

Глава 6

Обитательницы Лонгборна вскоре нанесли визит недерфилдским дамам. Ответный визит последовал по всем правилам. Милые манеры мисс Беннет все больше располагали к ней миссис Хэрст и мисс Бингли; и, хотя маменька была признана нестерпимой, а младшие сестры – недостойными внимания, двум старшим было выражено желание познакомиться с ними поближе. Джейн приняла такой знак предпочтения с величайшей радостью, но Элизабет по-прежнему замечала надменность в их обхождении со всеми – даже с ее сестрой, а потому они продолжали ей не нравиться. Впрочем, их любезность к Джейн, какова бы она ни была, все-таки имела цену, так как, по всей вероятности, ее порождало несомненное восхищение их брата. Оно явно бросалось в глаза всякий раз, когда они встречались, а Элизабет столь же ясно видела, что Джейн все больше отдается влечению сердца, которое пробудилось в ней с самого начала, и уже готова влюбиться в него без памяти. Однако она черпала спокойствие в уверенности, что никто другой этого не заметит, так как в Джейн сила характера сочеталась с безмятежностью души и веселостью, которые должны были надежно оградить ее от подозрений и назойливого любопытства. Она упомянула про это своей приятельнице мисс Лукас.

– Пожалуй, – ответила Шарлотта, – не так уж плохо в по-

добном случае обманывать свет, но иногда такая скрытность таит в себе угрозу. Если женщина прячет свою склонность столь же успешно и от предмета этой склонности, она может промедлить и не успеет привязать его к себе. А тогда сознавать, что и все окружающие равно остались в неведении, утешение довольно малое. Почти в каждом нежном чувстве столько благодарности или тщеславия, что небезопасно никак его не поощрять. Начинать мы все начинаем сами – легкое предпочтение вполне натурально. Но лишь у очень немногих из нас достает духа влюбиться по-настоящему без поощрения. В девяти случаях из десяти женщине полезнее выказать склонность даже в большей мере, чем она ее чувствует. Бингли, бесспорно, очень нравится твоя сестра, но возможно, если она ему не поможет, то дальше так и будет всего лишь ему нравиться.

– Но она же ему помогает, насколько позволяет ее характер. Раз уж я замечаю ее расположение к нему, так он должен быть поистине простаком, если не догадается о нем.

– Не забывай, Элиза, что ему характер Джейн известен гораздо меньше, чем тебе.

– Но если женщина питает склонность к мужчине и не старается это скрыть, он непременно должен что-то заметить.

– Да, должен, если видится с ней достаточно часто. Но Бингли и Джейн, хотя и встречаются не так уж редко, время вместе проводят недостаточно долгое. И притом в большом смешанном обществе. Им невозможно посвящать друг другу

каждую минуту. А потому Джейн должна всячески использовать те полчаса, которые проводит с ним. Вот когда она прочно привяжет его к себе, у нее будет достаточно времени влюбиться в него так сильно, как она пожелает.

– Твой план хорош, – ответила Элизабет, – для тех случаев, когда речь идет только о стремлении выйти замуж, и если бы я решила заручиться богатым мужем или вообще мужем, то, полагаю, последовала бы ему. Но Джейн чувствует совсем другое. Она ничего не рассчитывает наперед. Пока она еще не уверена ни в степени собственной склонности, ни в ее разумности. Они знакомы всего полмесяца. Она протанцевала с ним четыре раза в Меритоне; один раз виделась с ним утром у него дома, а затем четыре раза обедала за одним столом с ним. Это маловато, чтобы успеть постигнуть его характер.

– Разумеется, будь все так, как ты говоришь. Если бы она просто обедала с ним за одним столом, то могла бы лишь узнать, насколько хорош его аппетит, но не забудь: это ведь означает и проведенные вместе четыре вечера, а за четыре вечера может произойти очень многое.

– О да! Эти четыре вечера помогли им убедиться, что «двадцать одно» они оба предпочитают «коммерции», но вряд ли им открылось нечто более существенное.

– Что же, – сказала Шарлотта, – я от всего сердца желаю Джейн успеха; и если бы она вышла за него замуж завтра, на мой взгляд, надежды обрести счастье у нее было бы ничуть

не меньше, посвяти она год изучению его характера. Счастье в браке всегда игра случая. Как бы хорошо жених и невеста ни знали характеры друг друга, как бы ни схожи были их наклонности, это ничуть не поспособствует счастью их супружества. Ведь затем их характеры меняются, и им выпадает своя доля домашних неурядиц. И куда лучше как можно меньше знать заранее о недостатках того, с кем тебе предстоит провести жизнь.

— Ты меня рассмешила, Шарлотта, все это вздор, ты знаешь, что это вздор, и сама так ни за что не поступишь.

Занятая наблюдениями за поведением мистера Бингли с ее сестрой, Элизабет даже не заподозрила, что обретает некоторую интересность в глазах его друга. Мистер Дарси вначале отказывал ей в миловидности; на балу он оглядел ее без малейшего восхищения, а при следующей их встрече смотрел на нее, только чтобы критиковать. Однако едва он доказал себе и своим друзьям, что в ее лице не отыскать ни единой хотя бы сносной черты, как вдруг начал убеждаться, что чудное выражение ее темных глаз делает это лицо на редкость умным. Вслед за тем последовали и другие открытия, явно уязвлявшие его самоуверенность.

Хотя его критический взор подмечал не один изъян, нарушающий идеальную симметрию ее фигуры, он был вынужден признать ее стройной и приятной для глаз. И хотя он объявил ее манеры совсем не светскими, его обворожила их естественность и живость. Она же ни о чем не догадывалась,

и для нее он оставался человеком, который не трудился быть любезным ни с кем и кто не счел ее достаточно красивой, чтобы танцевать с ней.

А ему уже хотелось узнать ее поближе. И в намерении завести с ней разговор он начал прислушиваться к ее разговорам с другими, что наконец и привлекло ее внимание. Случилось это в доме сэра Уильяма Лукаса, где собралось большое общество.

– С какой стати, – сказала она Шарлотте, – мистер Дарси прислушивался к тому, о чем я говорила с полковником Фостером?

– На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

– Но если он снова позволит себе подобное, я непременно покажу ему, что все вижу. У него такой сатирический взгляд, что я, если не позволю себе какой-нибудь дерзости, начну его бояться.

Вскоре после этого он направился в их сторону, хотя как будто без намерения начать разговор, и мисс Лукас заметила своей подруге, что та никогда ни на что подобное не решится, чем лишь подстрекнула ее. Обернувшись к нему, Элизабет сказала:

– Не кажется ли вам, мистер Дарси, что я минуту назад с большой тонкостью упраскивала полковника Фостера дать для нас бал в Меритоне?

– С большим пылом. Обычным для прекрасного пола, стоит речи зайти о балах.

– Вы так строги к нам!

– Сейчас настанет ее черед подвергнуться упрашиванию, – сказала мисс Лукас. – Я намерена открыть фортепьяно, а ты знаешь, Элиза, к чему это приведет.

– Ну что ты за подруга! Всегда хочешь, чтобы я играла и пела всем и каждому! Если бы мое тщеславие влекло меня к музыке, тебе цены не было бы, однако я предпочла бы не садиться за инструмент в присутствии тех, кто, без сомнения, привык слушать лишь самую лучшую игру.

Однако мисс Лукас настаивала, и Элизабет наконец ответила:

– Ну хорошо, пусть будет по-твоему. – И, обратив серьезнейший взгляд на мистера Дарси, она добавила: – Есть прекрасное старинное присловье, разумеется, известное всем присутствующим: «Придержи дыхание, чтобы было чем остудить кашу». Вот и я придержу свое, чтобы романс прозвучал лучше.

Играла и пела она недурно, хотя отнюдь не превосходно. Когда она допела второй романс, то даже не успела ответить на просьбы некоторых гостей спеть еще, как ее сестра Мэри поспешила сама сесть за фортепьяно. Мэри была единственной дурнушкой среди своих сестер, а потому не только читала серьезные книги, но столь же усердно занималась рисованием и музыкой и всегда с нетерпением ждала возможности показать себя.

Однако Мэри не обладала ни большим талантом, ни вку-

сом, и хотя тщеславие рождало в ней усердие, ему сопутствовали педантичность и самодовольство, которые испортили бы впечатление и от куда более искусной игры. Элизабет, чуждая претензий и нарочитости, доставила своим слушателям куда больше удовольствия, хотя играла и вполнину не так умело. А Мэри после завершения очень длинного концерта была рада снискать похвалы и благодарность, заиграв шотландские и ирландские мелодии по просьбе своих младших сестер, которые вместе со старшими Лукасами и двумя-тремя офицерами устроили танцы в одном конце залы.

Мистер Дарси стоял неподалеку от них, молча негодуя на подобную манеру скоротать вечер, которая препятствовала разговорам, и был так погружен в свои мысли, что заметил рядом с собой сэра Уильяма Лукаса только тогда, когда сэр Лукас заговорил:

– Какое преприятное развлечение для молодежи, мистер Дарси! Все-таки ничто с танцами не сравнится. Я полагаю их первым украшением самого полированного общества.

– Бесспорно, сударь, и у них есть еще то преимущество, что они в моде и не в столь полированных обществах: каждый дикарь способен плясать.

Сэр Уильям лишь улыбнулся.

– Ваш друг танцует восхитительно, – продолжал он после паузы, увидев, что мистер Бингли вступил в круг танцующих. – И полагаю, вы сами искусны в этой науке, мистер Дарси.

– Мне кажется, сударь, вы видели, как я танцевал в Меритоне.

– Как же! И, глядя на вас, получил истинное удовольствие. Вы часто танцуете на придворных балах?

– Никогда, сударь.

– А вы не думаете оказать честь этой зале?

– Эту честь я, насколько это зависит от меня, ни одной зале не оказываю.

– Полагаю, у вас есть дом в столице?

Мистер Дарси поклонился.

– Я прежде подумывал поселиться в столице. Люблю бывать в высшем обществе, да только меня одолели опасения, как бы лондонский воздух не повредил леди Лукас.

Он умолк в чаянии ответа, но его собеседник был не расположен поддерживать разговор, и тут, заметив, что Элизабет направилась в их сторону, сэр Уильям возгорелся желанием оказать ей галантную услугу и окликнул ее:

– Дражайшая мисс Элиза, почему вы не танцуете? Мистер Дарси, вы должны разрешить мне представить вам эту барышню как наилучшую даму, какую вы только могли бы пригласить на танец. Право, вы не можете отказаться танцевать, когда видите перед собой такую красоту! – И, взяв руку Элизабет, он протянул ее мистеру Дарси, который, хотя и безмерно удивился, был отнюдь не прочь принять ее, но Элизабет тотчас отступила, сказав сэру Уильяму в некотором смятении:

– Право, сударь, я вовсе не хочу танцевать. Прошу вас, не думайте, будто я искала кавалера.

Мистер Дарси по всем правилам хорошего тона попросил оказать ему честь и пройти с ним в танце, но тщетно. Элизабет была тверда, и никакие уговоры сэра Уильяма не смогли поколебать ее решимости.

– Вы так превосходно танцуете, мисс Элиза, что с вашей стороны жестоко лишать меня удовольствия полюбоваться вами. И хотя сей джентльмен пренебрегает этим развлечением, полагаю, он уважит вас на полчаса.

– Мистер Дарси – сама учтивость, – сказала Элизабет с улыбкой.

– Поистине! Но соблазн так велик, дражайшая мисс Элиза, что нам не следует дивиться его уступчивости. Ну кто бы устоял и не ангажировал столь неотразимую даму?

Элизабет лукаво улыбнулась и отошла от них. Ее отказ отнюдь не уронил ее во мнении мистера Дарси, и он думал о ней не без восхищения, когда к нему подошла мисс Бингли.

– Догадываюсь, чем заняты ваши мысли!

– Не думаю.

– Вы размышляете, как нестерпимо было бы проводить вечер за вечером подобным образом – в подобном обществе. И я совершенно согласна с вами. Ничего утомительнее мне испытывать не доводилось. Несносная скука – и столько шума! Ничтожность – и такое высокое мнение о себе у всех этих людей! Чего бы я ни дала, чтобы послушать, как вы их атте-

стуете!

– Ваша догадка совершенно неверна, уверяю вас. Я предавался мыслям о том, каким восторгом может одарить пара прекрасных глаз на обворожительном женском лице.

Мисс Бингли немедленно устремила свои глаза на его лицо и пожелала узнать, какая девица или дама имела честь навести его на подобные мысли.

Мистер Дарси ответил с величайшим бесстрашием:

– Мисс Элизабет Беннет.

– Мисс Элизабет Беннет! – повторила мисс Бингли. – Я в изумлении. Давно ли она в таком фаворе у вас? И когда, скажите, мне вас поздравить?

– Этого вопроса я от вас и ожидал. Женское воображение столь торопливо! Оно в единый миг перепархивает от похвалы к любви, от любви к браку. Я знал, что вы поспешите меня поздравить.

– Право, если вы столь серьезны, я сочту, что дело решено. Вы обзаведетесь поистине очаровательнейшей тещей, и она, разумеется, будет безвыездно гостить в Пемберли.

Он с полнейшим равнодушием слушал, как она забавлялась подобными предположениями. Его невозмутимость убедила ее, что ничего опасаться не нужно, и она дала волю своему остроумию.

Глава 7

Состояние мистера Беннета ограничивалось почти лишь поместьем, приносящим две тысячи в год, и, к несчастью для его дочерей, оно было майоратом, так что из-за отсутствия прямого наследника мужского пола ему предстояло отойти к дальнему родственнику их отца. Состояние же их матери, хотя и вполне достаточное для нее в нынешнем ее положении, никак не могло заменить утрату поместья. Ее отец был стряпчим в Меритоне и оставил ей четыре тысячи фунтов.

У нее была сестра, которая вышла за некоего мистера Филипса, клерка их отца, который стал его преемником; а еще брат, почтенный лондонский торговец.

Деревня Лонгборн находилась всего в миле от Меритона. Весьма удобное расстояние для барышень, которые обычно три-четыре раза в неделю отправлялись туда посетить тетушку, а также модистку по ту сторону улицы. Две младшие, Кэтрин и Лидия, особенно часто оказывали тетушке этот знак внимания. Они были гораздо ветренее своих старших сестер и когда не находили лучшего развлечения, то коротали утренние часы прогулкой в Меритон, набираясь пищи для вечерней болтовни. Ведь как ни скудны новостями были городок и его окрестности, барышни всегда хоть что-нибудь да узнавали от тетушки. Теперь же у них не было недостатка

ни в новостях, ни в радостных предвкушениях – недавно под Меритон прибыл полк, чтобы оставаться там до конца зимы, а офицеры поселились в Меритоне.

Теперь посещения миссис Филипс вознаграждались изобилием всяческих любопытнейших сведений. Каждый день они узнавали про офицеров все больше – их фамилии, их родственные связи. Квартирy их также недолго оставались тайной, а затем они начали знакомиться и с ними самими. Мистер Филипс объехал с визитами их всех, тем самым открыв для племянниц источник радостей, прежде им неведомых. Теперь ни о чем, кроме офицеров, они не говорили, и огромное состояние мистера Бингли, упоминание о котором так воодушевляло их маменьку, казалось им ничем в сравнении с парадным мундиром прапорщика.

Однажды утром, наслушавшись их восторгов, мистер Беннет хладнокровно заметил:

– Судя по тому, что вы говорите, пожалуй, во всей стране не найдется двух других таких дурочек. Я всегда это подозревал, но теперь окончательно убедился.

Кэтрин смутилась и ничего не ответила, но Лидия как ни в чем не бывало продолжала превозносить капитана Картера и выражать надежду, что увидит его сегодня, так как завтра утром он уедет в Лондон.

– Я удивлена, мой друг, – сказала миссис Беннет, – что вы с такой легкостью готовы считать своих дочерей глупыми. Если бы мне захотелось выбрать чьего-то ребенка, своего

я для этого не выбрала бы.

— Если мои дети глупы, надеюсь, я никогда не стану закрывать глаза на это.

— Разумеется, да только все они у нас умницы.

— Лыщу себя мыслью, что это единственный случай, когда наши мнения расходятся. Я всегда уповал, что мы едины во всех мыслях, но в этом вопросе позволю себе не согласиться с вами и считать наших двух младших дочерей на редкость глупыми.

— Любезнейший мистер Беннет, вам не следует требовать от наших девочек разумности их отца и матери. Когда они достигнут нашего возраста, смею сказать, они будут думать об офицерах не больше, чем мы. Помню время, когда и мне красные мундиры очень нравились, да и теперь они сохраняют местечко в моем сердце; и если бы ловкий молодой полковник с пятью-шестью тысячами годового дохода попросил бы руки одной из моих дочек, я бы не сказала ему «нет». В тот вечер у сэра Уильяма я как раз подумала, что полковник Фостер в парадном мундире выглядит очень авантажно.

— Маменька! — воскликнула Лидия. — Тетенька говорит, что полковник Фостер и капитан Картер бывают у мисс Уотсон не так часто, как прежде, когда только приехали. Теперь она чаще видит их в библиотеке Кларка.

Ответить миссис Беннет не успела, потому что вошел лакей с запиской для мисс Беннет. Ее прислали из Недерфилда, и слуге было велено подождать ответа. Миссис Беннет

просияла от радости и засыпала дочь вопросами, пока та еще читала записку.

– Джейн, от кого она? О чем? Что он пишет? Ах, Джейн, поторопись и расскажи нам. Не медли так, душенька.

– От мисс Бингли, – ответила Джейн и прочла записку вслух.

«Милый друг!

Если в вас не найдется капли сострадания и вы не отобедаете сегодня с Луизой и со мной, нам будет грозить опасность возненавидеть друг дружку до конца наших дней. Ведь целый день тет-а-тет двух женщин не может завершиться без ссоры. Приезжайте как можно быстрее по получении этой записки. Мой брат и его друзья приглашены на обед к офицерам.

Навеки ваша Каролина Бингли».

– С офицерами! – вскричала Лидия. – Не понимаю, как тетушка нам ничего про это не сказала!

– Приглашены на обед! – повторила миссис Беннет. – Какая жалость!

– Могу я взять карету? – спросила Джейн.

– Нет, душенька. Лучше поезжай верхом, потому что собирается дождь, и тогда тебя пригласят переночевать.

– План недурен, – заметила Элизабет, – если только вы уверены, что они не предложат ей свой экипаж.

– О! Но джентльмены поедут в Меритон в коляске мистера Бингли, а у Хэрстов там своих упряжных лошадей нет.

– Но я предпочла бы поехать в карете.

– Ах, душенька, у твоего отца нет для нее лошадей. Они все нужны на ферме, мистер Беннет, не правда ли?

– На ферме они нужны гораздо чаще, чем мне удастся их получить.

– Но если вы их получите сегодня, – сказала Элизабет, – маменькина цель будет достигнута.

Ей удалось-таки добиться от отца подтверждения, что лошади заняты на ферме, а потому Джейн пришлось отправиться в Недерфилд верхом, и маменька проводила ее до дверей со многими радостными предсказаниями дурной погоды. Ее упования сбылись; не успела Джейн уехать, как зарядил дождь. Сестры беспокоились за нее, но маменька ликовала. Дождь лил весь вечер, не переставая. Разумеется, Джейн не могла вернуться домой.

– Поистине это была счастливая мысль! – повторяла миссис Беннет так, будто дождь был делом ее рук. Однако до следующего утра она и не подозревала, насколько удачной оказалась ее уловка. Едва они кончили завтракать, как слуга из Недерфилда привез Элизабет следующую записку:

«Лиззи, миленькая!

Нынче утром я почувствовала себя плохо, наверное, потому, что вчера промокла насквозь. Мои добрые хозяйки и

слушать не хотят о том, чтобы я уехала домой, пока не оправлюсь. Кроме того, они настояли, чтобы меня осмотрел мистер Джонс, а потому не тревожьтесь, если услышите, что он посетил меня. Да и я почти здорова, только горло и голова побаливают.

Твоя... и т. д.»

— Что же, душа моя, — сказал мистер Беннет, когда Элизабет прочла записку вслух, — если ваша дочь опасно заболит, если она умрет, каким утешением послужит мысль, что произошло это в погоне за мистером Бингли и по вашим указаниям.

— О, я ничуть не боюсь, что она умрет. От пустячной простуды еще никто не умирал. За ней будут хорошо ухаживать. И пока она будет оставаться там, ничего лучшего и пожелать нельзя. Я бы поехала повидать ее, если бы могла взять карету.

Элизабет, искренне встревоженная, решила отправиться в Недерфилд, хотя свободных лошадей не оказалось. Верховом она ездила плохо, а потому у нее не оставалось иного выбора, как пойти пешком. Она объявила о своем намерении.

— Как ты могла додуматься до подобной глупости? — вскричала ее мать. — Пешком по такой грязи! Когда ты туда доберешься, тебе нельзя будет показаться на людях!

— Но я смогу показаться Джейн, а больше мне ничего не нужно.

– Это намек мне, Лиззи, чтобы я послал за лошадьми? – спросил ее отец.

– Нет-нет. Я вовсе не боюсь пройти пешком. Расстояние – пустяк, если есть важная причина. Всего три мили! Я вернусь к обеду.

– Меня восхищает твоя деятельная благожелательность, – сказала Мэри. – Но каждый порыв чувств должен подчиняться разуму, и, по моему мнению, усилия всегда должны быть пропорциональны тому, для чего они требуются.

– Мы пойдем с тобой до Меритона, – сказали Кэтрин и Лидия.

Элизабет согласилась, и три барышни отправились в путь.

– Если мы поторопимся, – заметила Лидия, когда они вышли на дорогу, то, быть может, успеем увидеть капитана Картера до того, как он уедет.

В Меритоне они расстались. Младшие направились к дому, где проживала одна из офицерских жен, а Элизабет пошла дальше одна быстрым шагом, минуя луг за лугом, одолевая перелазы, перепрыгивая лужи с нетерпеливой живостью, и в конце концов увидела недерфилдский дом. Ноги у нее ныли, чулки запачкались, лицо разругалось – так разгорячила ее пешая прогулка.

Ее проводили в малую столовую, где завтракали все, кроме Джейн, и где ее появление вызвало большое изумление. Пройти три мили столь рано в такое ненастье и совсем одной? Миссис Хэрст с мисс Бингли отказывались этому по-

верить, и Элизабет не сомневалась, что они осуждали ее за такое нарушение приличий. Однако приняли они ее очень любезно. А в том, как с ней поздоровался их брат, было нечто большее, чем простая любезность, приветливость и радушие. Мистер Дарси сказал очень мало, а мистер Хэрст и совсем ничего. Первый и восхищался свежим румянцем, игравшим на ее щеках после долгой ходьбы, и сомневался, что предполагаемая причина — достаточное оправдание для того, чтобы проделать подобный путь одной. Второй не думал ни о чем, кроме завтрака.

Она осведомилась, как чувствует себя ее сестра, и ответ был не очень утешительный. Мисс Беннет провела беспокойную ночь, у нее небольшой жар, и, хотя она оделась, ей так нездоровится, что она не смогла спуститься к завтраку. К радости Элизабет, ее без промедлений проводили к сестре, и Джейн, которой лишь опасения внушить тревогу или причинить хлопоты помешали выразить в записке, как ей бы хотелось увидеть сестру, чрезвычайно ей обрадовалась. Однако говорить ей было трудно, и, когда мисс Бингли оставила их вдвоем, она ограничилась лишь словами благодарности за доброту и заботливость, какими ее окружили. Элизабет ухаживала за ней, храня молчание.

Завтрак кончился, сестры поднялись к ним, и Элизабет почувствовала, что они начинают нравиться и ей, так ласковы и внимательны они были к Джейн. Приехал аптекарь и, осмотрев больную, объявил, как и можно было ожидать, что

она очень сильно простудилась и следует принять надлежащие меры. Рекомендовал ей лечь в постель и обещал прислать микстуры. Джейн охотно последовала его совету, потому что жар усилился и голова у нее разболелась еще сильнее. Элизабет ни на минуту не покидала ее комнаты, да и мисс Бингли с миссис Хэрст выходили лишь ненадолго. Собственно, джентльмены уехали, и им некуда было девать себя.

Когда часы пробили три, Элизабет почувствовала, что ей пора возвращаться домой, и с большой неохотой сказала об этом. Мисс Бингли предложила заложить для нее карету, и понадобилось совсем мало настойчивости, чтобы она согласилась. Однако Джейн очень расстроилась при мысли о разлуке с сестрой, так что мисс Бингли ничего не оставалось, как взять назад предложение кареты и пригласить ее пока остаться в Недерфилде. Элизабет с большой благодарностью приняла это приглашение, и в Лонгборн был отправлен слуга сообщить ее родителям о сложившихся обстоятельствах и привезти ей необходимую одежду.

Глава 8

В пять часов мисс Бингли и миссис Хэрст удалились переодеваться, а в половине седьмого Элизабет позвали обедать. На вежливые расспросы, которыми ее засыпали и среди которых она с радостью заметила искренность тревоги мистера Бингли, ничего особенно утешительного она ответить не могла. Джейн нисколько не стало лучше. Услышав это, сестрицы мистера Бингли три или четыре раза повторили, как они расстроены, как огорчительно столь сильно простудиться и как сами они терпеть не могут хворать; после чего больная была забыта. Эта безразличность к Джейн, едва за ними закрылась дверь, позволила Элизабет вновь наслаждаться своей прежней антипатией к ним.

Среди общества за столом только их брат не вызывал в ней неприязни. Он, несомненно, очень тревожился за Джейн, а его внимание к ней самой было самым лестным, и лишь оно мешало ей почувствовать себя непрошеной гостьей, какой, она не сомневалась, ее считали все остальные. Кроме него, никто ее, казалось, не замечал. Мисс Бингли была всецело занята мистером Дарси, как, впрочем, и ее сестра, а что до мистера Хэрста, чьей соседкой она оказалась, он был ленивым человеком, жившим лишь для того, чтобы есть, пить и играть в карты; когда он обнаружил, что Элизабет простой ростбиф предпочла фрикасе, ему с ней разговаривать боль-

ше было не о чем.

После обеда она тотчас поднялась к Джейн, и мисс Бингли без промедления принялась ее критиковать. Ее манеры были объявлены никуда не годными, смесью высокомерия и наглости; ни умения поддерживать беседу, ни элегантности, ни вкуса, ни красоты. Миссис Хэрст во всем поддержала сестру и добавила:

– Короче говоря, в ней нет никаких достоинств, кроме того, что пешком она ходит бесподобно. Никогда не забуду, как она появилась тут нынче утром. Выглядела она почти неприлично.

– О да, Луиза! Я лишь с трудом сумела удержаться от смеха. И какой вздор вообще являться сюда! С какой стати должна она бегать по лугам, если ее сестра простудилась? И ее волосы, такие растрепанные, такие спутанные!

– Да, а ее юбка? Ты ведь видела, что ее юбка была вся в грязи на целых шесть дюймов, не иначе. А верхнее платье выпущено, чтобы прикрывать ее, но без пользы.

– Этот портрет, Луиза, быть может, очень верен, – сказал мистер Бингли, – но ничего подобного я не заметил. Когда мисс Элизабет Беннет утром вошла сюда, мне она показалась очаровательной. А забрызганная юбка ускользнула от моего внимания.

– Но, разумеется, не от вашего, мистер Дарси, – сказала мисс Бингли. – И не сомневаюсь, вы не пожелали бы, чтобы ваша сестрица так себя аттестовала!

– Бесспорно.

– Пройти три мили, или четыре, или пять, или сколько их там по щиколотку в грязи, и одной, совсем одной! Да как она решилась? Право, это свидетельствует о самом своевольном сумасбродстве, о провинциальном пренебрежении приличиями.

– Это свидетельствует о ее любви к сестре и заслуживает всех похвал, – сказал Бингли.

– Боюсь, мистер Дарси, – заметила мисс Бингли, понизив голос, – эта эскапада несколько угасила ваше восхищение ее прекрасными глазами.

– Отнюдь, – ответил он. – Прогулка придала им новый блеск.

Последовала некоторая пауза, а затем миссис Хэрст снова начала:

– Я весьма расположена к Джейн Беннет, она премилая девушка, и я от всего сердца желаю ей хорошей партии. Но, боюсь, такой отец с такой матерью и такое вульгарное родство не оставляют на это никакой надежды.

– Мне кажется, я слышал, как вы говорили, что ее дядя – стряпчий в Меритоне?

– Да, а другой их дядюшка живет где-то около Чипсайда.

– Бесподобно! – добавила ее сестрица, и обе засмеялись.

– Да будь у них столько дядюшек, что хватило бы заселить весь Чипсайд, – вскричал Бингли, – это ни на йоту не сделало бы их менее обворожительными.

– Однако это должно очень заметно снизить их шансы на женихов, занимающих положение в свете, – ответил Дарси.

Бингли промолчал, но его сестрицы от души согласились и еще некоторое время отпускали насмешки по адресу вульгарных родственников своей дражайшей подруги.

Однако, покинув столовую, они в новом припадке нежности поднялись в ее комнату и сидели с ней, пока им не доложили, что кофе подан. Джейн все еще очень нездоровилось, и Элизабет ни на минуту ее не покидала. Лишь поздно вечером, когда вид спокойно уснувшей сестры ее несколько утешил, она подумала, что, как это ни неприятно, ей все-таки следует спуститься вниз. Войдя в гостиную, она застала все общество за карточным столом и тут же была приглашена присоединиться к ним. Но, подозревая, что играют они покрупному, она отказалась и, сославшись на сестру, объяснила, что недолгое время, которое может провести внизу, она скоротает за книгой. Мистер Хэрст взглянул на нее с изумлением.

– Вы предпочитаете картам чтение? – сказал он. – Как странно!

– Мисс Элиза Беннет, – заметила мисс Бингли, – презирует карты. Она великая любительница чтения и ни в чем другом удовольствия не находит.

– Я не заслужила ни такой похвалы, ни такого порицания! – воскликнула Элизабет. – Я не такая уж великая любительница чтения и нахожу удовольствие во многом другом.

– Ухаживая за вашей сестрицей, я полагаю, вы находите истинную радость, – сказал Бингли, – и от души надеюсь, эта радость станет еще сильнее, когда вы увидите ее совсем здоровой.

Элизабет поблагодарила его от всей души, а затем отошла к столику, на котором лежало несколько книг. И он тотчас предложил принести ей еще и другие: вся его библиотека в ее распоряжении.

– И я бы желал, чтобы она была гораздо полнее. Ради вас и к моей собственной чести; но я по натуре бездельник, и хотя книг у меня не так уж много, их все же больше, чем я брал когда-нибудь в руки.

Элизабет заверила его, что ей достаточно и этих.

– Я удивлена, – сказала мисс Бингли, – что мой отец собрал столь мало книг. Какая чудесная библиотека у вас в Пемберли, мистер Дарси!

– Да, ей трудно не быть хорошей, – ответил он, – ведь она – плод стараний многих поколений.

– И вы сами так ее пополнили! Вы же всегда покупаете книги.

– Не понимаю, как можно пренебрегать фамильной библиотекой в наши дни.

– Пренебрегать! Не могу вообразить, чтобы вы пренебрегли хоть чем-то, что может еще более украсить ваше великолепное имение. Чарльз, когда ты будешь строить свой дом, как бы я желала, чтобы он хоть в половину был так восхити-

телен, как Пемберли.

– Я бы тоже этого желал.

– Однако я тебе настоятельно советую приобрести поместье в тех краях и взять Пемберли за образец. В Англии нет графства лучше Дербишира.

– С превеликой радостью. Я бы просто купил Пемберли, согласись Дарси его продать!

– Я говорю о том, что достижимо, Чарльз.

– По чести, Каролина, я бы сказал, что купить Пемберли более достижимо, чем создать его подобие.

Этот разговор так заинтересовал Элизабет, что она не могла сосредоточиться на чтении и вскоре, отложив книгу, направилась к карточному столу, где расположилась между мистером Бингли и миссис Хэрст, следя за игрой.

– На много ли мисс Дарси подросла с весны? – спросила мисс Бингли. – Она обещает быть высокой, как я?

– Думаю, да. Пока она одного роста с мисс Элизабет Беннет или даже чуть выше.

– Как я жажду вновь ее увидеть! Я не встречала никого, кто восхищал бы меня больше. Как она пленительна! Какие манеры! И как для своего возраста она блещет во всех занятиях, украшающих девицу. На фортепьяно она играет ну просто бесподобно.

– Меня изумляет, – сказал Бингли, – как у благовоспитанных барышень достаёт терпения так блистать в своих занятиях, как все они блистают!

– Все барышни блистают? Милый Чарльз, о чем ты?

– Да, по-моему, все без исключения. Все они рисуют, обтягивают шелком и расписывают экраны, плетут кошелечки. Не знаю ни единой, которая бы всего этого не умела; и, право, не упомню случая, когда, упомянув про барышню в первый раз, тут же не добавили бы, что она блещет во всех подobaющих занятиях.

– Твой список их обычных занятий, – сказал Дарси, – близок к истине. Слово «блистают» употребляется по отношению ко многим женщинам, способным сплести кошелечек или обтянуть экран, но я никак не могу согласиться с тобой в твоей общей оценке. Среди всех моих знакомых дам и девиц я не насчитаю и полудюжины истинно блестящих чем-либо.

– И я тоже, – заметила мисс Бингли.

– В таком случае, – сказала Элизабет, – вы должны быть очень взыскательны в своем представлении об истинных женских дарованиях.

– Да, я взыскателен.

– О, разумеется, – вскричала его верная помощница, – никто не может считаться истинно одаренным, если не превосходит намного то, что мы обычно видим вокруг. Женщина, чтобы удостоиться такой похвалы, должна в совершенстве играть на музыкальных инструментах, петь, рисовать, танцевать и знать современные языки. Сверх этого она должна иметь нечто особенное в своей осанке, походке, тоне голоса, манерах и речи, иначе такой комплимент будет вполровину

незаслуженным.

– Да, она должна обладать всем этим, – согласился Дарси, – но вдобавок ей следует пополнять свое образование, много читая.

– Меня более не удивляет, что вы знакомы всего лишь с шестью женщинами, истинно блестящими своими дарованиями. Не понимаю только, как вообще вы знакомы хотя бы с одной такой.

– Вы так строги к собственному полу, что сомневаетесь даже в возможности этого?

– Просто я никогда не видела подобной женщины. Я никогда не видела, чтобы дарования, и вкус, и элегантность, какие вы описали, объединялись бы в одной женщине.

Миссис Хэрст и мисс Бингли в один голос восстали на несправедливость ее сомнений и наперебой принялись утверждать, что знакомы со многими женщинами, отвечающими этому описанию. Но тут мистер Хэрст заставил их умолкнуть, разразившись негодующими жалобами на их невнимание к игре. Разговор не продолжался, и Элизабет вскоре покинула гостиную.

– Элиза Беннет, – сказала мисс Бингли, едва дверь за ней закрылась, – принадлежит к тем девицам, которые тщатся зарекомендовать себя сильному полу, критикуя свой собственный. Многих мужчин, полагаю, это обольщает, но, на мой взгляд, это жалкая уловка, даже низость.

– Без сомнения, – ответил Дарси, к кому главным образом

были обращены ее слова, — искусные ухищрения, до которых порой снисходят представительницы женского пола, желая пленять, такие же уловки. Все, что родственно хитрости, заслуживает презрения.

Подобный ответ пришелся мисс Бингли не совсем по вкусу, и она оставила эту тему.

Элизабет вновь присоединилась к ним, но лишь сказать, что Джейн стало хуже и она не может ее оставить. Бингли хотел немедленно отправить слугу за мистером Джонсом, а его сестрицы, в убеждении, что в провинции лечить не умеют, настаивали послать в Лондон за самым именитым врачом. Об этом Элизабет и слушать не пожелала, но не стала отказываться от предложения их брата. В конце концов было решено, что за мистером Джонсом пошлют рано утром, если мисс Беннет не полегчает. Мистер Бингли был в полном расстройстве, его сестрицы объявили, что совершенно удручены. Однако они развеяли свою печаль, распевая дуэты после ужина, а он нашел лишь слабое утешение в том, что отдал распоряжения экономке окружить больную барышню и ее сестру всевозможными заботами.

Глава 9

Большую часть ночи Элизабет провела с сестрой и утром, к своей радости, могла дать обнадеживающий ответ на вопрос мистера Бингли, который очень рано передала ей горничная, а позднее и двум элегантным дамам – камеристкам его сестриц. Тем не менее она выразила желание, чтобы в Лонгборн отправили слугу с запиской от нее с просьбой, чтобы их мать приехала навестить Джейн и составила собственное мнение о ее недуге. Записка была тотчас отослана, а содержавшаяся в ней просьба выполнена не менее быстро. Миссис Беннет в сопровождении двух младших дочерей прикатила в Недерфилд, когда там только-только кончили завтракать.

Если бы миссис Беннет нашла Джейн тяжелобольной, она очень расстроилась бы; однако, вскоре убедившись, что недуг ее дочери не опасен, маменька не пожелала ей скорейшего выздоровления, так как, поправившись, она, весьма вероятно, должна была бы незамедлительно покинуть Недерфилд. Поэтому миссис Беннет и слушать не захотела, когда Джейн попросила увезти ее домой; и аптекарь, приехавший почти в одно время с миссис Беннет, также не почел это разумным. Маменька немного посидела с Джейн, а затем появилась мисс Бингли, и по ее приглашению она с тремя дочерьми спустилась в малую столовую. Едва они вошли, как

мистер Бингли выразил надежду, что миссис Беннет нашла Джейн гораздо лучше, чем опасалась.

– Напротив, сударь, – последовал ответ. – Ей так плохо, что ее нельзя увезти домой. Мистер Джонс говорит, что мы ни в коем случае не должны ее перевозить. Так что нам придется еще немного злоупотреблять вашей добротой.

– Перевозить! – воскликнул Бингли. – Да ни в коем случае! Я знаю, моя сестра и думать об этом не позволит.

– Вы можете быть уверены, сударыня, – с холодной вежливостью сказала мисс Бингли, – что за мисс Беннет, пока она остается у нас, будут ухаживать со всем тщанием.

Миссис Беннет рассыпалась в благодарностях.

– Право, не знаю, – добавила она, – что с ней случилось бы без таких добрых друзей, она ведь совсем занемогла и очень страдает, хотя, как всегда, с величайшей терпеливостью, потому что более кроткого характера и вообразить невозможно. Я часто повторяю остальным моим девочкам, что им с ней не сравниться. Какая миленькая комната, мистер Бингли, и такой бесподобный вид на подъездную аллею. Не знаю в наших краях ни одного места, какое превосходило бы Недерфилд. Надеюсь, вы не поторопитесь с ним расстаться, хотя и взяли аренду на такой короткий срок.

– Я все делаю второпях, – ответил он. – И потому, если я решу покинуть Недерфилд, то, наверное, соберусь за пять минут. Однако пока я полагаю, что устроился тут надолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.